

ПЕРСПЕКТИВЫ СТРАХОВОГО НАДЗОРА В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ

Ибрагимова Лазиза Нурбек кизи

Магистрант Банковско-финансовой академии

***Аннотация.** Статья рассматривает перспективы страхового надзора в контексте системы государственного финансового контроля и обосновывает переход от формально-комплаенсного подхода к риск-ориентированной и данные-центричной модели. Показано, что устойчивость страхового сектора определяется регулярным циклом ORSA, стресс-тестированием концентраций и увязкой капитал-планирования с бизнес-рисками. IFRS 17 предлагается использовать как управленческий инструмент для повышения сопоставимости резервов и прозрачности допущений. Особое внимание уделено развитию SupTech/RegTech: высокочастотная отчётность по API, автоматическая валидация и алерт-механизмы ускоряют реакцию надзора. Защита прав потребителей операционализируется через измеримые SLA урегулирования и «ключевые информационные листки». Рассматриваются кибер- и ESG-риски, требования к операционной устойчивости и аутсорсингу, а также практика перестрахования с акцентом на экономическую сущность трансферов. Обсуждаются пропорциональность требований для малых страховщиков, межведомственная координация и развитие кадровых компетенций регулятора и компаний.*

Ключевые слова: *страховой надзор; государственный финансовый контроль; риск-ориентированный подход; IFRS 17; ORSA; SupTech/RegTech; защита прав потребителей; киберриски; ESG; перестрахование; операционная устойчивость.*

Введение

Государственный финансовый контроль представляет собой совокупность институтов и процедур, направленных на обеспечение макроэкономической стабильности, соблюдение бюджетной и фискальной дисциплины, повышение прозрачности финансовых потоков и доверия к финансовой системе в целом. В этой системе страховой надзор занимает особое место, поскольку страховой сектор по своей природе перераспределяет риски и смягчает последствия неблагоприятных событий для домохозяйств, бизнеса и государства. Надлежащее функционирование страхового рынка — его платежеспособность, добросовестная конкуренция, качественное управление рисками — напрямую влияет на финансовую устойчивость реального сектора, устойчивость банковско-финансового посредничества и стабильность государственных финансов, в том числе за счёт снижения нагрузки на бюджет при наступлении крупных рисков.

Страховой надзор, будучи неотъемлемым элементом государственного финансового контроля, решает двуединую задачу: с одной стороны, он обеспечивает пруденциальную устойчивость страховщиков через требования к капиталу, ликвидности, резервам, корпоративному

SJIF:5.219

управлению и системе управления рисками; с другой — защищает права потребителей, гарантируя справедливые условия договоров, корректную тарификацию, прозрачные продажи и оперативное урегулирование убытков. Реализуя эти цели, надзор формирует дисциплину на рынке, сдерживает накопление системных дисбалансов и поддерживает инвестиционную привлекательность экономики за счёт предсказуемости страхового покрытия и качества финансовой отчётности.

Современная среда усиливает значимость страхового надзора и одновременно усложняет его мандат. Цифровая трансформация, проникновение InsurTech-решений, рост киберрисков и требований к защите данных, изменение климата и ESG-повестка, появление новых продуктовых моделей (он-деманд, микрострахование, телематика) требуют перехода от формально-комплаенсной модели к ориентированной на риск и данные. Это означает регулярные стресс-тесты и анализ концентраций, оценку устойчивости бизнес-моделей, внедрение практик ORSA, повышение качества актуарных оценок и раскрытий, а также развитие SupTech/RegTech-инструментов для сбора и обработки отчётности в почти реальном времени. Одновременно усиливается взаимосвязанность надзорных органов: координация с центральным банком, министерством финансов, налоговыми и антимонопольными службами, а также взаимодействие с международными стандартами и практиками позволяют закрывать регуляторные арбитражи и отслеживать трансграничные риски.

Таким образом, место страхового надзора в системе государственного финансового контроля определяется его вкладом в устойчивость финансовых институтов и защиту общественных интересов. Эффективный, пропорциональный и проактивный надзор снижает вероятность дестабилизирующих событий, повышает качество управления рисками на уровне компаний и сектора, укрепляет доверие страхователей и инвесторов и, в конечном счёте, служит фундаментом для устойчивого экономического роста и сбалансированного развития финансовой системы.

2. Основная часть

Переход к риск-ориентированному надзору требует не декларативных, а операционных изменений в практике регулятора и самих страховщиков. На прикладном уровне это означает ежегодный цикл ORSA с промежуточным обновлением каждые шесть месяцев, проведение как минимум двух полноценных стресс-тестов в год и ежеквартальный анализ концентраций по видам рисков и контрагентам. В качестве базовых метрик целесообразно закрепить целевой уровень покрытия SCR не ниже 120–150% с «триггерами» раннего реагирования на отметках 115% и 105%; для ликвидности — ежедневные разрывы денежных потоков на горизонте 30, 90 и 180 дней с лимитами по недопустимым отрицательным разрывам; для андеррайтинга — комбинированный коэффициент по ключевым направлениям, «loss ratio» в разрезе продуктовых серий и когорто-анализ убыточности по годам заключения. Практика показывает, что перенос

акцента на анализ бизнес-модели (например, доля ускоренного роста премий на отдельных каналах с повышенной убыточностью, зависимость от одного крупного перестраховщика, «тонкая» тарифная маржа) позволяет заранее выявлять уязвимости и адресно распределять надзорное внимание.

Модернизация пруденциальных требований на базе риск-чувствительных подходов должна сопровождаться методическими «шаблонами» и проверяемыми процедурами. Для компаний, использующих стандартную формулу, важны унифицированные параметры по катастрофическим и биометрическим рискам; для пользователей внутренних моделей — чек-листы валидации (качество данных, обратные тесты, независимость функции рисков). На практике полезно закрепить «дорожные карты» перехода: инвентаризация данных за 3–5 лет, калибровка параметров с учётом локальной статистики, пилотный запуск на одном портфеле и только затем — распространение на весь баланс. Целесообразно ввести регуляторное требование об обязательном «capital planning» на три года вперёд, привязанном к бизнес-плану и дивидендной политике, и проводить с компаниями тематические обзоры факторов, съедающих капитал (ускоренный рост в убыточных линиях, щедрые комиссионные, несбалансированная перестраховочная защита).

Внедрение IFRS 17 на практике должно использоваться надзором не как лишь смена отчётной формы, а как источник качества управленческой информации. Регулятор может требовать матрицы сопоставления между

управленческими пакетами и внешней отчётностью, раскрытия ключевых актуарных допущений (ставки дисконтирования, кривые смертности, допущения по оттокам), а также регулярной чувствительности прибыли и собственных средств к изменениям этих допущений. Эффективной мерой доказала себя «детализация группы контрактов»: разбиение портфелей на измеримые группы с расчётом величины неотработанной прибыли (CSM) и её амортизации. Практическая польза для надзора — возможность видеть, где прибыль «вытягивается» за счёт агрессивных предпосылок, и где резервы нуждаются в корректировке.

Развитие SupTech/RegTech следует строить вокруг стандартизированных данных и автоматизированных правил контроля. На прикладном уровне это — электронная отчётность по API в формате JSON/CSV с встроенными справочниками и валидационными правилами, дашборды с ранжированием компаний по ключевым KPI, алерт-система по нарушению «триггеров», а также модуль текстовой аналитики жалоб (NLP) для выявления паттернов мисселлинга. Практически целесообразно запрашивать минимально достаточный, но высокочастотный набор показателей: ежемесячные премии и выплаты по направлениям, движение резервов, коэффициенты убыточности, расходы на привлечение, структура активов и их дюрация, концентрации по перестраховщикам, операционная метрика SLA по урегулированию убытков. Такая «тонкая телеметрия» позволяет не ждать годового отчёта, а фиксировать отклонения в режиме почти реального времени и проводить тематические инспекции точно.

Защита прав потребителей должна измеряться и управляться через понятные цели и метрики. Практические ориентиры: медианный срок урегулирования по простым убыткам — до 15 календарных дней, доля отказов, отменённых после обжалования, — не выше 5%, частота жалоб — не более 3–5 на 10 000 действующих полисов в квартал, доля продаж с полным преддоговорным раскрытием — стремится к 100%. Регулятор может внедрить обязательные «ключевые информационные листки» по продуктам (1–2 страницы простым языком), проводить «тайные покупки», а также публиковать квартальные бенчмарки по SLA и жалобам, формируя дисциплину поведения. На уровне компаний важно закрепить независимую функцию «product governance» с правом вето рискованные продуктовые изменения и тарифные акции.

Операционная устойчивость и кибербезопасность требуют регулярной практики, а не одноразовых политик. На прикладном уровне это годовые «red team» упражнения, обязательные отчёты об инцидентах по унифицированной схеме (время обнаружения, время локализации, масштаб затронутых данных, уроки и компенсирующие меры), аудит резервного копирования с тестовым восстановлением, управление рисками аутсорсинга (реестр критичных провайдеров, RTO/RPO-целевые уровни, сценарии выхода). Для продуктов киберстрахования полезно вводить надзорные ожидания по агрегированию риска: лимиты на отраслевые и географические «скопления», стресс-сценарии отключения ключевых облачных провайдеров, капитальные надбавки за сильную концентрацию. Практический результат —

измеримый рост времени безотказной работы критичных систем и сокращение потерь от инцидентов.

Климатические и ESG-риски должны переходить из деклараций в численные сценарии. Прикладная практика — двухгодичный цикл стресс-тестов с физическими и транзитными сценариями: карты частоты и тяжести природных событий для имущественных портфелей, стрессы по «углеродной цене» и амортизации активов для долгосрочных инвестиций. Полезно требовать от компаний планов по управлению аккумуляцией риска (например, лимиты на страхуемые экспозиции в зонах частых подтоплений, корректировки тарифов с учётом адаптационных мер клиентов), а также раскрытий по устойчивому инвестированию (доля зелёных облигаций, исключения углеродоёмких отраслей, управление репутационным риском «гриновошинга»). На уровне надзора работает механизм тематических обзоров: сравнение методологий, публикация эталонных допущений и «порогов» чувствительности.

Инновации и InsurTech целесообразно сопровождать регулируемыми «песочницами» и принципом пропорциональности. На практике это означает упрощённые требования к капиталу и отчётности для низкорисковых микропродуктов при одновременном усилении правил по защите данных и алгоритмической прозрачности. Регулятор может требовать «модельных карточек» для AI-систем андеррайтинга и антифрода (описание данных, метрики точности и смещения, процедуры мониторинга), а также

протоколировать A/B-эксперименты по продуктам с оценкой влияния на убыточность и потребительское благополучие. Для компаний практична многоуровневая система «go/no-go» по запуску новинок: пилот, расширенный пилот, масштабирование — с порогами по SLA, жалобам и убыточности.

Перестрахование остаётся опорой платежеспособности и сглаживания волатильности. На прикладном уровне надзор должен видеть экономическую сущность трансферов: тесты на «risk transfer», независимую оценку кредитного риска контрагентов (включая небанковские платформы), моделирование катастрофических сценариев с учётом корреляций, а также политику по «collateral» для нерейтинговых контрагентов. Практичная метрика — доля «net retention» по основным линиям и чувствительность SCR к потере крупнейшего перестраховщика. Для компаний важно поддерживать «reinsurance scorecard» с прозрачными критериями выбора партнёров и периодическим пересмотром структур программ по мере изменения риск-профиля.

Институциональная координация повышает предсказуемость для рынка и уменьшает арбитраж. На практике это регулярные межведомственные комитеты с центральным банком, минфином, налоговой и антимонопольной службами, общий дата-каталог, согласованные методики по связанным вопросам (инвестиционные лимиты, налогообложение резервов, правила продаж). Эффективным инструментом служит

тематический надзор: одновременная проверка у всех компаний узкого участка (например, урегулирование по ОСАГО или телематические тарифы) с публикацией бенчмарков и планов корректирующих действий. Для малых и средних страховщиков уместны пропорциональные требования и «пакеты типовых политик», чтобы сосредоточить ресурсы на ключевых рисках.

Человеческий капитал завершает картину реформ. На уровне регулятора оправдана сертификация специалистов по трекам — актуарий надзорный, аналитик данных, инспектор по поведению на рынке, менеджер по киберрискам — с обязательным обновлением компетенций каждые два года. На уровне компаний — независимость функции риск-менеджмента и комплаенса, прямой доступ к совету директоров, KPI, привязанные к устойчивости (качество данных, снижение операционных инцидентов, соблюдение SLA). В результате «векторы развития» перестают быть общими лозунгами и превращаются в измеримую программу действий: чёткие метрики раннего предупреждения, предсказуемая эскалация надзорных мер, устойчивые бизнес-модели страховщиков и заметный для граждан рост качества страховой защиты.

Заключение и практические предложения

Страховой надзор в системе государственного финансового контроля становится ключевым механизмом снижения системных рисков и укрепления доверия к финансовой инфраструктуре. Итоги анализа показывают, что устойчивость сектора достигается не столько формальным соблюдением

норм, сколько внедрением риск-ориентированного управления на уровне компаний и надзора. Практически это означает регулярный цикл ORSA, стресс-тестирование с фокусом на концентрации, прозрачные перестраховочные программы и капитал-планирование, связанное с реальными бизнес-рисками. Для повышения качества информации целесообразно использовать IFRS 17 как управленческий инструмент: сопоставимость резервов, раскрытие ключевых допущений и чувствительность прибыли к изменениям параметров должны стать стандартом. Развитие SupTech/RegTech следует нацелить на высокочастотные данные, автоматическую валидацию и алерт-механику, что ускоряет реакцию на отклонения и делает инспекции адресными. Права потребителей эффективнее защищаются через измеримые SLA урегулирования, «ключевые информационные листки» и публичные бенчмарки жалоб, формирующие рыночную дисциплину. Кибер- и ESG-риски требуют циклических сценарных тестов и управляемых лимитов аккумуляции, включая требования к аутсорсингу и облачным провайдерам. Для малых страховщиков важна пропорциональность требований и типовые политики, позволяющие сосредоточить ресурсы на критичных рисках. Наконец, устойчивый результат возможен при развитии кадрового потенциала: сертификация надзорных специалистов, независимость функций риска и комплаенса и KPI, увязанные с качеством данных и операционной устойчивостью.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мирошник С. В. Страховой надзор в системе финансового контроля // Пробелы в российском законодательстве. – 2013. – №6. – С. 289–290.
2. Магомадов А. Н. Государственное финансовое регулирование страхового рынка в России: автореф. дис. ... канд. экон. наук. – Саратов: Саратовский государственный социально-экономический университет, 2010. – 27 с.
3. Мирошник С. В. Страховой надзор: учебное пособие. – Ростов-на-Дону: Изд-во РГУП, 2012. – 112 с.
4. Мурадова Э. А. Организация страхового дела и страхового надзора в Российской Федерации как объекты финансового права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М.: МГУ, 2022. – 26 с.
5. Полякова Е. В. Государственное регулирование страховой деятельности в РФ в условиях цифровизации // Экономика и предпринимательство. – 2023. – №3(140). – С. 56–61.